

Мира Свободная

# Семь лет до рассвета

Мира Свободная

**Семь лет до рассвета**

«Автор»

2026

## **Свободная М. М.**

Семь лет до рассвета / М. М. Свободная — «Автор», 2026

Лето 1990 года. Молодая фельдшер Ралина оказывается одна в незнакомой глухой деревне, куда ее привозит отец. Впереди — семь долгих лет до рассвета, наполненных непростой работой, деревенским бытом и суровыми испытаниями. Без опыта, но с горячим сердцем, героиня ежедневно борется за жизни людей, сталкиваясь с недоверием и местными тайнами. Это трогательная, наполненная юмором история о призвании, взрослении, искренней любви и надежде, которая согревает даже в самые тёмные времена.

© Свободная М. М., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Белый халат для глухой деревни.   | 5  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 10 |

# Семь лет до рассвета

## Белый халат для глухой деревни.

Глава 1. Июльская пыль девяностого года. Лето 1990 года выдалось удушливым и жарким. Пыль на просёлочных дорогах Башкирии стояла столбом, оседая на стёклах отцовской «шестёрки». Сквозь открытые окна в салон врвался сухой, горячий ветер, пахнувший пылью и раскалённой землёй. Девятнадцатилетняя девчонка сжимала в руках ручки старого дерматинового чемодана. Внутри лежали несколько простых платьев, сменная обувь и новенький, пахнувший типографской краской диплом фельдшера. Мединститут остался позади — недосягаемой, оборванной мечтой. Впереди была неизвестность. Распределение в глухую деревню, о существовании которой она ещё месяц назад даже не догадывалась. Отец молча крутил руль. Он торопился. Время было беспокойное, дефицитное, у каждого взрослого в том году лопалось терпение от бесконечных очередей и талонов. «Шестёрка» резко затормозила у небольшого деревянного здания с покосившейся вывеской «Медпункт». — Ну, приехали, дочка. Обживайся, — глухо сказал отец. Он помог ей вытащить чемодан, похлопал по плечу и тут же сел обратно за руль. Машина развернулась, обдав её облаком сизого выхлопного дыма и серой пыли, и быстро скрылась за поворотом. Стук старого мотора стих где-то вдаль. Она осталась стоять совершенно одна посреди незнакомой деревенской улицы. Солнце нещадно пекло макушку. Вокруг звенела оглушительная, непривычная для городской девчонки тишина, прерываемая лишь далёким мычанием коров и стрёкотом кузнечиков в сухой траве. Накатила волна пронзительного, детского одиночества. Ей безумно захотелось побежать вслед за отцовской машиной, вернуться в свой безопасный дом, где мама наливает чай и всё понятно. Но белый халат в чемодане обязывал быть сильной. Сглотнув подступивший к горлу ком, она поправила волосы, взяла тяжёлую ручку чемодана и сделала свой первый шаг по скрипучим ступенькам крыльца. Именно здесь, в этой глуши, начиналась история женщины, которая спустя годы построит вокруг своего раненого сердца непробиваемый железный щит. Пока не наступил тот страшный день. В медпункт пришёл местный мужчина. Рука его была наспех перемотана грязной тряпкой, сквозь которую проступала кровь. — Да так, ерунда, — нехотя буркнул он, проходя в кабинет. — В лесу на барсука наткнулся, а тот цапнул. Обработай чем-нибудь, дочка. Она бережно промыла глубокие следы от зубов дикого зверя. Сердце внутри неё тревожно забилося — лесные хищники просто так на людей не нападают. Школьные лекции вмиг всплыли в голове. Она строго посмотрела на пациента: — Рану я обработала. Но вам нужно немедленно ехать в район, делать уколы от бешенства. Это смертельно опасно. Мужчина лишь пренебрежительно махнул здоровой рукой и усмехнулся: — Ишь, напугала! Меня в этой тайге кто только не кусал. Не поеду я никуда из-за царапины, время только тратить. Молодая ты ещё, девка, панику наводить. Она просила, настаивала, доказывала, но наткнулась на глухую стену крестьянского упрямства и пренебрежения к её возрасту. Мужчина ушёл. А через пару недель тишину деревни взорвала страшная весть. Укушенного соседа привезли в больницу, но было уже слишком поздно. Начались первые необратимые симптомы бешенства — водобоязнь, бред, судороги. Спасти его было невозможно. Для девятнадцатилетней фельдшерицы это стало сокрушительным ударом. Она полночи просидела в своей комнатке у бабки, глядя в темноту сухими, воспалёнными от шока глазами. Внутри неё что-то навсегда надломилось. Именно тогда она осознала: люди могут не верить её молодости, могут шептаться за спиной, но больше она никогда не позволит чужому упрямству разрушить её профессиональную правду. На её лице больше не было девичьей неуверенности. На смену ей пришёл строгий, контролирующий взгляд фельдшера, который отныне будет требовать беспрекословного подчинения. Она завязала волосы в тугий узел и пообещала себе стать непреклонной.

Глава 2. Настоящее мужское плечо В тот вечер туман был настолько плотным, что в шаге ничего не было видно. Вдруг в дверь медпункта резко постучали. На пороге стоял молодой парень. Плечистый, статный, с армейской выправкой и уверенным, открытым взглядом. Он только-только вернулся из армии — в его облике ещё чувствовалась строгая дисциплина службы, а на лесопилку в соседнюю деревню он устроился в первые же дни после дембеля. Позже она узнает его историю, от которой сожмётся сердце. Денис был круглым сиротой по отцу. На его крепких парнях плечах лежала огромная, неподъёмная для его возраста ноша. Дома его ждали одна лишь уставшая мама, три старших и два младших брата и сестры. Всего шестеро детей, и он, вернувшись со службы возмужавшим солдатом, сразу стал главным кормильцем этой большой семьи, отдавая работе на лесопилке все свои силы. Он явно отличался от местных, которые вечно подшучивали над молодой докторшей. — Привет, дочка. То есть, доктор, — улыбнулся он, и от этой улыбки в холодном кабинете словно стало теплее. — Я из соседней деревни, тут руку вот щепкой распорол на работе, поможешь? Она молча кивнула, усадила его на стул и достала йод и бинты. Её руки, обычно точные и уверенные, почему-то слегка задрожали. Настоящий мужчина сразу заметил её волнение, но не стал насмехаться. Наоборот, он бережно посмотрел на её бледное лицо: — Ты чего такая напуганная? Обидел кто? Ты не смотри, что наши деревенские ворчат. Они к новым людям долго привыкают. А ты девка видная, умная. Я про тебя слышал — ты соседа спасти пыталась, предупреждала. Ты всё правильно сделала. Они дураки, что не послушали. В его присутствии вся враждебность чужой деревни словно растворялась. Когда приём закончился, на улице уже окончательно стемнело. Денис не ушёл. Накинув свою армейскую куртку, он молча взял её тяжёлый фельдшерский чемоданчик: — Провожу тебя до дома. Время позднее, туман. Мало ли кто встретится, а мне спокойнее будет, если я тебя в обиду не дам. Они шли по тёмной просёлочной дороге, и девчонка впервые за долгое время шла с высоко поднятой головой. Рядом с ним ей больше не нужно было быть «железным фельдшером» и держать оборону. Денис шёл чуть впереди, закрывая её своей широкой спиной от холодного ветра и чужих недобрых взглядов. В эту осеннюю ночь в чужой местности она наконец-то обрела то, чего ей так не хватало — свою первую, настоящую защиту.

Глава 3. Костёр на окраине и горький узел недопонимания. Та осень и зима девяностого года пролетели для молодой фельдшерицы как один прекрасный, залитый тёплым светом сон. Деревня больше не казалась ей такой враждебной и серой, потому что теперь почти каждый вечер у ворот медпункта её встречал Денис. Их романтика была простой, но удивительно искренней. Они подолгу гуляли по заснеженным окраинам под башкирским звёздным небом, кутаясь в одну большую армейскую куртку. Иногда Денис разводил небольшой костёр у реки, и они сидели вдвоём, слушая потрескивание сухих веток в тишине. С ним она могла часами смеяться, говорить обо всём на свете и чувствовать себя в абсолютной безопасности. Для городской девчонки, выросшей в комфорте, Денис открыл совершенно другой мир — мир, где мужчина не ищет лёгких путей, держит слово и умеет защищать свою женщину. Но чем сильнее разгорались их чувства, тем громче внутри неё начинал звучать голос тревоги. На смену романтике пришло суровое понимание реальности. Каждый раз, когда они заговаривали о будущем, между ними невидимой стеной вставали их разные жизни. Она видела, под каким весом ответственности жил Денис. Дома его ждали уставшая мама и пятеро братьев и сестёр, для которых он был главным кормильцем после армии. Он отдавал лесопилке все свои силы, и его жизнь была намертво привязана к этой деревне. А её мысли всё чаще улетали обратно в город — туда, где остались её родители, привычный уклад и нереализованная мечта о большом медицинском институте. Она понимала, что её строгая семья никогда не примет парня из такой большой и бедной деревенской семьи. Юношеский страх, гордость и это тяжёлое понимание неизбежного финала начали рождать между ними глухое недопонимание. — Зачем мы всё это затягиваем, Денис? — тихо сказала она однажды у затухающего костра. — Мы ведь

слишком разные. Твой дом здесь, а моё место — там. Из этого ничего не выйдет. Денис молчал, сжав кулаки, в его глазах горела горькая обида. Он, прошедший армию и привыкший бороться за близких, не понимал, как можно просто так сдаться из-за страха перед трудностями. Она приняла его молчание за безразличие. Гордость завязала внутри них тугой узел: вместо того чтобы сесть и откровенно поговорить, каждый закрылся в своей броне. Зимним утром 1991 года, так и не сказав друг другу самых важных слов, она собрала свой дерматиновый чемодан, сдала ключи бабке и уехала обратно в город, оставив свою первую, чистую любовь на заснеженной окраине той самой глухой деревни. Ей казалось, что на этом история закончена, но сердце Дениса думало совсем иначе.

Глава 4. Не нашего уровня. Весной 1991 года Денис решился на отчаянный шаг. Юношеская гордость уступила место огромной любви — он не мог просто так отпустить девчонку, которая перевернула всю его душу. Он выгреб до копейки все свои сбережения на лесопилке, купил билет на автобус до большого города, тщательно выгладил свой единственный парадный армейский китель и поехал свататься. Ему казалось, что его честность, армейская закалка и готовность усердно работать — это лучшая рекомендация для её родителей. С букетом весенних цветов и бьющимся в самое горло сердцем Денис переступил порог её городской квартиры. Но вместо башкирского гостеприимства или простого человеческого тепла он наткнулся на ледяную, высокомерную стену. Строгие городские родители даже не стали приглашать его за накрытый стол. Они окинули холодным взглядом его простой армейский костюм, его натруженные, мозолистые руки деревенского парня и вынесли безжалостный приговор. Отец девушки строго посмотрел на робкого дембеля и отчеканил слова, которые навсегда врезались в его память: — Ты не нашего уровня, парень. Посмотри на себя и на нашу дочь. Она — будущий врач, городская интеллигенция. А у тебя дома мать и пятеро голодных ртов в глухой деревне. Ты ей не пара. Уходи и больше не появляйся в нашей жизни. В тот день родители выставили Дениса за дверь, буквально сломав его мужскую гордость об колено. Он шёл по незнакомым городским улицам, сжимая в кулаке измятые цветы, и внутри него всё выжгло дотла. Он вернулся в свою деревню с твёрдым убеждением, что городские люди — жестокие, высокомерные и циничные, а его честный труд ничего не стоит в их глазах. Он закрылся в своей обиде, пообещав себе, что больше никогда и ни перед кем не встанет на колени. Глава 5. Слезы на пороге. Прошло несколько недель после того страшного дня, как Дениса выставили за дверь. Она жила в городе как в тумане — разрывалась между чувством вины перед любимым и давлением строгих родителей. И вдруг её привычный, распланированный городской мир окончательно рухнул. Она узнала, что беременна. В тот момент вся девичья гордость, все упреки родителей о «не том уровне» разбились вдребезги. Страх, отчаяние и понимание, что под сердцем бьётся жизнь нового человека, заставили её принять единственное верное решение. Тайком от отца и матери, со слезами на глазах, она бросила всё, села на первый автобус и поехала обратно в ту самую деревню. Она ехала не к Денису — её гордость всё ещё боялась его сурового взгляда после сватовства. Она ехала к его матери, женщине, которая одна вырастила шестерых детей и точно знала цену материнскому сердцу. Когда автобус затормозил в пыли, она едва дошла до их простого деревенского дома. Порог, который когда-то казался ей чужим, теперь стал её последней надеждой. Дверь открылась, и на пороге показалась уставшая мама Дениса. Девушка не выдержала. Слезы брызнули из глаз, колени подкосились, и она упала прямо на деревянные ступеньки, горько разрыдавшись: — Простите меня... Я беременна от Дениса. Я не знаю, как мне жить дальше, у меня никого нет... Она плакала навзрыд, отдавая всю ту боль, которую копила в городе. И в этот момент на крыльцо медленно вышел сам Денис. Он увидел свою любимую — бледную, испуганную городскую девчонку, плачущую на коленях у его матери. Вся его суровая армейская обида, вся злость на её высокомерных родителей вмиг испарилась, уступив место тому самому главному мужскому инстинкту — защитить свою женщину и своего будущего ребёнка.

Глава 6. Горький хлеб девяностых Денис молча подошёл, бережно поднял её со ступенек, крепко прижал к себе и попытался успокоить. В тот момент он поступил как настоящий мужчина — взял ответственность за неё и за их будущего ребёнка. Но то, что произошло на пороге её городской квартиры, навсегда изменило его внутренний мир. Глубокая, жгучая обида на её высокомерную семью пустила корни в его душе. Он не смог простить того унижения, и эту глухую, невысказанную злость он подсознательно начал вымещать на молодой жене. Начались суровые, серые будни. Время вокруг словно сошло с ума: наступили девяностые, в магазинах была пугающая пустота, на полках не было элементарных вещей и одежды для новорождённого. Они жили очень бедно, считая каждую копейку. Ютиться приходилось в маленьком, тесном деревенском домике вместе с мамой Дениса и его младшими братьями и сёстрами. Бытовой быт, теснота и вечная нехватка денег давили со всех сторон. Но самым тяжёлым испытанием стала не бедность, а холод, поселившийся между ними. Пытаясь заглушить ту самую застарелую обиду и доказать самому себе, что он чего-то стоит, Денис начал искать утешение на стороне. Его уходы «налево» и измены стали для молодой фельдшерицы новым, сокрушительным ударом. Городская девчонка, которая когда-то приехала сюда в чистом белом халате, теперь тянула на себе тяжёлый деревенский быт, терпела присутствие свекрови и глотала слёзы от измен мужа, баюкая ребёнка в пустом, дефицитном мире. Их общая жизнь превратилась в глухую оборону, где каждый был ранен, но никто не знал, как этот узел развязать. Глава 7. Фундамент новой жизни Другая женщина на её месте уже давно бы сдалась, собрала чемодан и уехала обратно к городским родителям, признав их правоту. Но наша героиня оказалась не из тех, кто ломается под ударами судьбы. Терпя бедность, глотая горькие обиды от измен Дениса и уживаясь со свекровью в тесной избушке, она в какой-то момент поняла: их семье нужен воздух. Им нужно своё собственное пространство, свой угол, иначе эта застарелая обида и быт окончательно задушат их любовь. И она настояла. Вопреки общему безденежью девяностых, вопреки сомнениям окружающих и нежеланию Дениса что-то менять, она твёрдо сказала: — Мы будем строить свой дом. Сами. С нуля. Эта её железная, непоколебимая вера и женское упрямство сотворили настоящее чудо. Денис, в чьем сердце всё ещё жила любовь к ней и к их ребёнку, словно очнулся от долгого сна. Мысль о собственном большом доме пробудила в нём того самого сильного армейского защитника. Ему больше не нужно было ходить «на сторону», чтобы доказывать свою состоятельность — теперь у него появилась настоящая, большая мужская цель. Они начали строить. Закипела тяжёлая, изнурительная, но такая счастливая работа. Денис вкалывал на лесопилке до седьмого пота, сам таскал тяжёлые брёвна, месил раствор и закладывал фундамент. А она, молодая мама и фельдшер, успевала и за ребёнком следить, и помогать мужу на стройке, подавая инструменты и разделяя с ним этот тяжёлый труд. Каждый забитый гвоздь, каждое уложенное бревно нового дома словно зашивали раны на их семейных отношениях. Строительство стен стало строительством их новой, прочной крепости, где старым изменам и обидам больше не было места.

Глава 8. Семь лет испытаний и долгожданный порог. Но стройка не стала быстрым спасением. Наступили самые тяжёлые времена. Начало девяностых душило тотальным дефицитом: стройматериалов постоянно не хватало, цены росли каждый день, и возведение стен затянулось на долгие, мучительные годы. Дом стоял недостроенным, словно немой упрёк их надеждам. В этой изнурительной круговерти она успела родить второго ребёнка — маленького, удивительно открытого и светлого мальчика, который словно пришёл в этот мир, чтобы согреть её израненное сердце. А Денис всё никак не мог излечить свою старую армейскую обиду. На фоне затянувшейся стройки и безденежья его измены продолжались. Деревня — место маленькое, и «доброжелатели» с каким-то особым, ядовитым удовольствием регулярно доносили эти новости до молодой матери, бережно передавая во всех красках, где и с кем видели её мужа. Каждый такой донос резал по живому. Она засыпала со слезами на глазах, баюкая двоих детей в тесной избушке свекрови, но внутри неё горел какой-то нечеловеческий, стальной стержень.

Она не опустила руки. Она продолжала работать, стискивала зубы и упрямо повторяла: «Мы достроим этот дом». Так прошли долгие семь лет. Семь лет нехватки цемента, брёвен, верности и тишины. И всё же её женское упрямство и нестигаемая воля победили. Когда их первенцу исполнилось семь лет и он должен был пойти в первый класс, это чудо наконец свершилось. Стройка была окончена. Они наконец-то собрали свои скромные вещи, обняли на прощание маму Дениса и переехали в свой собственный, большой, просторный дом. Когда она впервые переступила этот долгожданный порог и закрыла за собой массивную дверь, она поняла: все сплетни «доброжелателей», все дефициты и чужие нотации остались там, снаружи. Здесь, на своих собственных квадратных метрах, начиналась совершенно новая глава её жизни — глава, где она наконец-то была полноправной хозяйкой своей судьбы.

Главы 9. Но время шло, и постепенно раны начали затягиваться. Казалось, всё вокруг наконец-то налаживается. Новый большой дом, в который они переехали, когда первенцу исполнилось семь лет, обладал удивительной лечебной магией. Словно на пороге собственного просторного жилища Денис навсегда оставил и свою застарелую армейскую обиду, и глупую привычку искать утешение на стороне. Мужчина словно прозрел: он увидел её сильный духом характер, её безграничное терпение и ту нечеловеческую цену, которую она заплатила за их общее будущее. В Денисе проснулось глубокое искреннее раскаяние. Он раз и навсегда оборвал все связи на стороне, закрыв двери перед носом деревенских «доброжелателей». Он окружил жену такой невероятной нежностью, заботой и уважением, о которых она в девятые годы не смела даже мечтать. Он стал носить её на руках и во всём поддерживать. И в этот дом наконец-то пришло настоящее звенящее счастье и достаток. Тяжёлые времена окончательно отступили. Вслед за первыми двумя сыновьями в этих тёплых просторных комнатах родился третий сын — крепкий волевой мальчик, который вырос настоящим спортсменом, завоевал множество наград и стал огромной гордостью для мамы и папы. Городская девчонка в белом халате, выдержавшая сокрушительные штормы судьбы, теперь сидела на просторной кухне своего большого дома, пила горячий чай и смотрела на своего любящего мужа и троих прекрасных успешных сыновей. Всё наладилось. На смену годам боли пришли десятилетия абсолютного покоя, любви и семейной гармонии, которую больше никто и никогда не мог разрушить.

Автор: Мира Свободная.

*«Посвящается всем женщинам, которые не сломались под ударами судьбы, смогли простить, выстоять и по кирпичику построить свою собственную крепость и гармонию».*

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.